

с. 2.

Изъ застѣданія Пушкинскаго общества*).

Рефератъ О. В. Пактовскаго: „Современное общество въ произведеніяхъ А. П. Чехова“ былъ посвященъ анализу произведеній Чехова со стороны ихъ общественнаго содержанія. „Заслуга русскихъ писателей предъ соотечественниками состоитъ между прочимъ въ томъ, что они не пропускали ни одного болѣе или менѣе важнаго явленія современной имъ жизни, руководили дѣятелями, будили общественное сознаніе, вызывали на борьбу съ отрицательными явленіями и часто въ этой отвѣтственной и важной работѣ, въ силу исторически-сложившихся условій, стояли почти одиноко. Русский художникъ у насъ выѣстъ съ тѣмъ и общественный дѣятель, и общество наше такъ привыкло къ учительской социаль-но-общественной роли нашей художественной литературы, что писатель своею литературною дѣятельностью не соприкасающій указаннымъ образомъ съ дѣйствительностью знакомъ ему, но не дорогъ. Изъ современныхъ намъ писателей лишь тотъ только можетъ рассчитывать на популярность и любовь среди читателей, кто свои художественныя дарованія сливаетъ во едино съ самой жизнью, кто при несомнѣнномъ талантѣ своими художественными содѣланіями помогаетъ современному читателю разбратъ въ жизненныхъ явленіяхъ, кто на сторонѣ не подавляющаго большинства, а мыслящаго меньшинства. Наличие этихъ условій сдѣлала одного изъ современныхъ намъ писателей А. П. Чехова—крупной величиной въ современной литературѣ.

Чеховъ не знаетъ описи какой-нибудь властной идеи надъ современнымъ ему обществомъ, подобно Тургеневу, Достоевскому, гр. Л. Н. Толстому, не знаетъ колоссальныхъ общественныхъ недуговъ, подобно крѣпостному праву. У него, какъ повѣствователя, нѣтъ даже художественно и всесторонно очерченнаго типа: дѣйствующія лица взяты у него только на одинъ моментъ, чтобы поставить лицомъ къ лицу съ отрицательными явленіями жизни. Покажетъ авторъ моментъ соприкосновенія современнаго человѣка съ дѣйствительностью, обнаружитъ въ этотъ моментъ силу жизненныхъ явленій, и нравственную силу, а чаще безсиліе современнаго человѣка,—и опуститъ занавѣсъ, закроетъ свой волшебный фонарь... Дѣйствующія лица въ произведеніяхъ Чехова—не активъ жизни, а пассивъ ея; впрочемъ, художественный рефлекторъ писателя направленъ глав-

нымъ образомъ не на лица, а на явленія жизни. Она (жизнь) является для современнаго человѣка какою-то роковою силою, отсюда „унылая скорбь автора“, внушенная безсиліемъ дѣйствующихъ лицъ въ борьбѣ съ жизнью, нежеланіемъ самой борьбы, малодушной уступкой современнаго человѣка явленіямъ жизни. Но за каждымъ рассказомъ мы видимъ автора, какъ бы говорящимъ: „если поставить на мѣсто этихъ безвольныхъ, слабыхъ людей силы мощныя, то явленія эти не будутъ такъ фатальны, и жизнь будетъ иною...

Сила современныхъ отрицательныхъ явленій жизни, по произведеніямъ Чехова,—въ безсиліи современнаго человѣка. Въ этомъ отношеніи особенно важны рассказы Чехова, изданные имъ подъ общимъ заглавіемъ „Хмурые люди“. Въ рассказахъ „Почта“ и „Шампанское“ Чеховъ изображаетъ тяжелые моменты жизни тѣхъ людей, коимъ судьба дала въ удѣлъ лишь нужду, тяжелую работу за кусокъ хлѣба, но не дала надежды на лучшее въ ихъ положеніи. Они подавлены своей нуждой. Все противоѣдѣніе маленькихъ людей нашего общества роковымъ для нихъ обстоятельствомъ выразилось въ ихъ „хмурости“, тяжеломъ терпѣніи и молчаніи. Въ рассказахъ „Непріятность“, „Княгиня“, „Скучная исторія“ передъ нами дѣятелями являются доктора на земской службѣ и филантропическихъ учрежденіяхъ, профессора, молодые культурные люди, готовящіеся къ дѣятельности, и вотъ авторъ устами одного изъ своихъ героев, идеальнаго, вѣрующаго въ науку, прогрессъ и человечество профессора даетъ яркую характеристику современнаго культурнаго человѣка въ его борьбѣ съ жизнью... „Интеллигентныя силы рѣже вступаютъ въ борьбу со зломъ и чаще тонутъ въ немъ, являются не жертвами борьбы, а жертвами своего безсилія... Мрачной представляется Чехову жизнь культурнаго человѣка, когда его руководитъ такъ называемая „житейская невзгода“, обращающаяся въ какую то роковую силу, когда у него нѣтъ вѣры въ лучшее будущее, но не отрадною она рисуется и тогда, когда человѣкъ фаталистически отдастъ излюбленнымъ теоріямъ вѣка. Въ сборникѣ, озаглавленномъ „Въ сумеркахъ“, есть рассказъ „На пути“, гдѣ выведенъ культурный неудачникъ жизни, фатастикъ теорій. Неутѣшительнъ для читателя этотъ мартирологъ вѣрующаго интеллигента: „Русская жизнь представляетъ изъ себя, говоритъ фатастикъ теорій Лихаревъ, непрерывный рядъ вѣрованій... и увлеченій, а невѣрія или отрицанія она еще... и не нюхала... Русский человѣкъ всег-

*). Другая часть застѣданія будетъ реферирована въ завтрашнемъ №.

да вѣруетъ во что - нибудь... Лихаревъ рассказываетъ всю свою жизнь". „Серьезныя увлеченія начались у меня съ университета. Всѣ науки, сколько ихъ есть на свѣтѣ, имѣють стремленіе къ истинѣ... и я отдался наукамъ беззавѣтно, страстно, какъ любимой женщинѣ. Я былъ ихъ рабомъ и кромѣ нихъ не хотѣлъ знать никакого другого солнца. День и ночь, не разгибая спины, я зубрилъ, разорялся на книги, плакалъ, когда люди на моихъ глазахъ эксплуатировали науку ради личныхъ цѣлей. Но я не долго ими увлекался... Штука въ томъ, что у каждой науки есть начало, но вовсе нѣтъ конца, все равно, какъ у періодической дроби. Зоологія открыла 35 тысячъ насѣкомыхъ, химія насчитываетъ 60 простыхъ тѣлъ. Если со временемъ къ этихъ цифрамъ прибавить справа по 10 нулей, зоологія и химія будутъ также далеки отъ своего конца, какъ и теперь, а вся современная работа заключается именно въ приращеніи цифръ. Сей фокусъ я уразумѣлъ, когда открылъ 35001 видъ и не почувствовалъ удовлетворенія... Разочарованія я не успѣлъ пережить, такъ какъ мною скоро овладѣла новая вѣра. Ходилъ я въ народъ, служилъ на фабрикахъ, смазчикахъ, бурлакахъ... Потомъ, когда, шатаясь по Руси, я понюхалъ русскую жизнь,—я обратился въ горячаго поклонника этой жизни. Я любилъ русскій народъ до страданія, любилъ и вѣровалъ его вѣрою въ Бога, въ языкъ, въ творчество... Въ свое время я былъ славянофиломъ, недоѣдалъ Аксакову письмами, и украинофиломъ, и археологомъ... увлекался я идеями, людьми, событиями, мѣстами... увлекался безъ перерыва. Последней моей вѣрой было непротивленіе злу... Каждая вѣра гнула меня въ дугу, рвала на части мое тѣло... Былъ я богатъ, какъ и братья, но теперь нищъ. Въ чаду увлеченія я ухляпалъ и свое состояніе, и женою, и массу чужихъ денегъ... Старость на носу, а я безпріютенъ, какъ собака, которая ночью отстала отъ обоза... Я изнывалъ отъ тяжкаго, беспорядочнаго труда, терпѣлъ лишения, разъ пять сидѣлъ въ тюрьмѣ, таскался по Архангельскимъ и Тобольскимъ губерніямъ... Для всѣхъ, кто любилъ меня, я былъ несчастіемъ"... Лихаревъ излагаетъ далѣе послѣднюю свою вѣру—въ высокое значеніе и призваніе женщины. Онъ идеализируетъ ея необыкновенную покорность, ея необычайное милосердіе, всепрощеніе, великодушную выносливость, вѣрность до могилы, поэзію ея сердца. Смыслъ жизни, по его мнѣнію, и есть въ томъ безропотномъ мученичествѣ, въ сле-

захъ, которыя размягчаютъ камень, въ безграничной всепрощающей любви, которая вноситъ въ хаосъ жизни свѣтъ и теплоту...

Фабулы рассказовъ Чехова слишкомъ разнообразны, но за каждымъ рассказомъ стоитъ одна и та же и тема, одно стройное и цѣльное міросозерцаніе: писателю нужны самыя разнообразныя столкновенія съ жизнью людей, на разныхъ ступеняхъ общественности, съ разными силами, и чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе эти дѣйствующія лица, чѣмъ больше столкновеній ихъ съ реальнымъ міромъ, тѣмъ цѣльнѣе выступаетъ передъ нами сама жизнь, опредѣленнѣе вырисовываются ея дѣятели. Въ рассказѣ „Кошмаръ" дѣйствующее лицо—сельскій священникъ. Онъ еще молодой человѣкъ, явился въ деревню съ желаніемъ принести пользу темному люду, но встрѣтился съ такими препятствіями, которыя не только убили энергію, а прямо поставили въ условія голодающаго человѣка, съ тою лишь разницею отъ обыкновенныхъ голодающихъ, что окружающіе его культурные же люди взяли себѣ еще право унижать его, оскорблять, единственно потому, что та же судьба поставила его пастыремъ и не дала ему возможности быть имъ...

Если не привѣтлива общественная жизнь, если у современнаго человѣка нѣтъ силъ или умѣнья вступить съ нею въ борьбу и завоевать себѣ право счастливой и осмысленной жизни съ любимой работой для нея, то, можетъ быть, можно уйти отъ нея въ личный свой міръ, въ свою семью и тамъ найти себѣ удовлетвореніе и отдаться дѣлу воспитанія дѣтей, дать имъ силы вступить въ борьбу съ тѣмъ, передъ чѣмъ отступали отцы?.. Обычными своимъ приѣмомъ Чеховъ рисуетъ передъ нами далеко не отрадные картины и изъ семейной жизни нашего средняго общества: то безпощаднымъ юморомъ, то трагическимъ эффектомъ освѣщаетъ онъ тѣ ненормальныя положенія, которыя создаютъ семью или разрушаютъ ее... Свадебныя и семейныя пѣсви, которыя поетъ Чеховъ—также далеко не утѣшительны... Зная, какую сторону жизни изображаетъ Чеховъ въ своихъ произведеніяхъ, нельзя ожидать отрадныхъ картинъ и въ тѣхъ его рассказахъ, гдѣ говорится о дѣтяхъ. Вотъ штрихи изъ семейныхъ картинъ на эту тему. Съ должностію на дачу пріѣзжаетъ отецъ (Лашніе люди) и видитъ, что сынишка его, Петя, лѣтъ 6, сидитъ одинъ, ибо мама съ утра поѣхала на репетицію „театръ играть", а вернется только вечеромъ; въ отсутствіе мамы Петя занимается, между прочимъ, накалываніемъ на булавки живыхъ бабочекъ, жучковъ и

вполнѣ равнодушны къ ихъ мученіямъ... Двумя—тремя рассказами Чеховъ касается жизни дѣтей школьнаго возраста. Мучительно, но просто разрѣшенъ въ одномъ изъ рассказовъ жизненный и жгучій вопросъ нашего времени: кто правъ, благомыслящая ли наприм. тетя, глубоко убѣжденная опытомъ, что „ученье только для дворянъ, а не для бѣдныхъ“, или напр. мать Вани, которая рѣшилась было гнуть спину, мучиться, страдать, лишь бы ея Ваня былъ человекомъ...

Нигдѣ жизненные обстоятельства не подходятъ по своей сущности такъ близко къ роли разума; какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюдается разсѣянное цивилизованнаго общества, его формъ жизни, понятій и убѣжденій отъ формъ жизни, понятій и убѣжденій простаго народа. Рассказы „Мечты“, „Бѣда“, „Злоумышленникъ“, „Темнота“, особенно послѣдніе два, ярко освѣщаютъ громадной важности вопросъ,—который едва ли можетъ разрѣшаться только наказаніемъ, который важенъ не столько для обыкновеннаго читателя, сколько для присяжныхъ представителей нашей юриспруденціи... Вотъ напр. передъ судебнымъ слѣдователемъ тошій мужичонка въ пестрядиной рубахѣ и заплатанныхъ юртахъ. Ему предъявляется суд. слѣдователемъ обвиненіе—чуть не въ зломъ умыслѣ воровать поѣздъ,—такъ какъ онъ, этотъ мужичонка, захваченъ на мѣстѣ преступленія: онъ отвинчивалъ гайки отъ рельсовъ для грузила... „Для чего же тебѣ понадобилась эта гайка?“. Спрашиваетъ слѣдователь.—„Гайка-то?.. Мы изъ гаскъ грузила дѣлаемъ...—„Кто это мы“.—„Мы, народъ... Климовскіе мужики, то есть“... На обвиненіе слѣдователя, что такимъ „дѣланіемъ“ мужикъ могъ-бы людей убить,—послѣдній энергично возражаетъ: „Избави Господи, зачѣмъ убивать?.. Нешто мы некрещенные, или злодѣи какие?.. Славаги, Господи, господинъ хорошій, вѣкъ свой прожили, и нетокмо, что убивать, но и мыслей такихъ въ головѣ не было“... и т. д. Рассказъ не требуетъ никакихъ къ себѣ поясненій, справедливо замѣтилъ референтъ,—кромя одного, несомненно напрашивающагося вывода: положеніе подобныхъ „злоумышленниковъ“ и самого слѣдователя какъ нельзя болѣе доказываетъ, какъ велико благодѣяніе Императора Александра II, даровавшаго странѣ судъ присяжныхъ, это лучшее благо цивилизации, примиритель двухъ чуждыхъ другъ другу міровъ, хранитель жизненной правды и милосердія къ малымъ и темнымъ...

Какою жизнью живетъ этотъ темный міръ, лишь трагически соприкасающій-

ся съ современной цивилизаціей, изображено Чеховымъ въ произведеніи „Мужики и моя жизнь“. Передъ нами ярко выступаютъ здѣсь трагическія условія современной деревенской жизни. Они формулируются не длинными предложениями: „Здѣсь пьютъ“...; здѣсь бьютъ (какъ Вирьянъ свою Марью),—„своего хлѣба не хватило“...; „пожаръ“...—„недомки“... Справедливы ли упреки Чехову за то, что онъ собралъ въ произведеніи „Мужики“ только отрицательное деревни, или нѣтъ...—рѣшать трудно; если писатель останавливается только на одной сторонѣ дѣятельности, въ этомъ еще нѣтъ вины: никто не упрекаетъ Гоголя за то, что онъ „дерзнулъ выставить на всенародныя очи“ лишь „печальное жизни“...

У каждого времени есть свой отрицательный герой. Были когда то подобными героями Чичиковы, Хлестаковы, Молчаливы... Наше время выдвинуло подобнымъ героемъ „человѣка въ футлярѣ“. Художникъ сказался и здѣсь во всей своей силѣ: онъ уловилъ главную типичную, отрицательную черту современнаго дѣятеля. Это чиновникъ, у котораго нѣтъ любимаго дѣла, собственной инициативы, нѣтъ своего мнѣнія, даже нѣтъ своего желанія,—если все это не предусмотрено извѣстнымъ циркуляромъ. Это своего рода Гоголевскіе Башмачкины, съ тою лишь разницею, что Башмачкинъ жалокъ тѣмъ, что въ немъ убили живого человѣка, а „человѣкъ въ футлярѣ“ жалокъ тѣмъ,—что онъ самъ убилъ въ себѣ „Бога живого человѣка“. Какъ бы само по себѣ не было свято, важно дѣло, но если оно исполняется, какъ тяжелая обязанность и „людьми въ футлярѣ“, то вмѣсто живого дѣла всегда получится тотъ характеръ общественной дѣятельности, который ярко обрисованъ Чеховымъ въ рассказѣ „Сонная одурь“...

Пока дѣятельность писателя еще не закончилась, пока не сказано имъ послѣднее слово, нельзя подводить никакого итога, нельзя точно и безошибочно опредѣлять значеніе этой дѣятельности. Въ настоящее время по отношенію къ А. П. Чехову все читающее общество сходно въ этомъ общемъ взглядѣ: въ лицѣ Чехова современная литература имѣетъ даровитаго, талантливаго художника, изображающаго отрицательную сторону современности. Большинство сближаетъ его, по пріемамъ творчества, съ Гюи-де-Мопассаномъ, и, конечно, не безъ основанія. Но едва ли не вѣрнѣе сближить его съ болѣе близкимъ къ намъ и знакомымъ голосомъ Гоголя и Достоевскаго.

